

Б. А. ТУРАЕВ — КРУПНЕЙШИЙ ИСТОРИК ДРЕВНЕГО ВОСТОКА

Одним из крупнейших представителей русской исторической науки был Борис Александрович Тураев, скончавшийся в расцвете своих творческих сил 23 июля 1920 г. В течение своей сравнительно недолгой исследовательской деятельности,—он умер, достигши лишь 52 лет,—Б. А. Тураев успел охватить своими научными трудами необъятный мир древнего и христианского Востока. Будучи одним из самых замечательных профессоров Ленинградского университета, он создал русскую школу историков древнего Востока и египтологов, для которой он сберег неопенимые сокровища древневосточной культуры, собранные знаниями и средствами другого крупного русского ученого — В. С. Голенищева. Только благодаря энергии и настойчивости Б. А. Тураева прекрасные памятники собрания Голенищева не были проданы одному из зарубежных музеев, а сохранены для русской и советской науки.

Научная работа Б. А. Тураева была настолько широкой и многогранной, что в наш век все растущей специализации уже не найдется больше исследователя, который мог бы заменить его. Он был исследователем и в области науки о древнем и христианском Египте, и в абиссиноведении, и в истории древнего Востока. Обогащая все эти дисциплины своими исследованиями, Б. А. Тураев объединял в себе и историка, и филолога, и археолога, и историка искусства. Поэтому достаточную оценку и правильное определение всего значения его научной работы для русской и советской науки может дать лишь коллектив его учеников.

Задача настоящей статьи—определить значение академика Бориса Александровича Тураева в той исторической дисциплине, которой он подарил свой классический труд «История древнего Востока».

Работа над изучением развития древних народов Ближнего Востока являлась вечным спутником исследовательской жизни Б. А. Тураева. Он неустанно продолжал углубляться в мир древнего Востока, расширяя, уясняя и уточняя свой «курс», который он начал читать уже с самого начала своей преподавательской деятельности в Ленинградском университете. Курс этот издавался несколько раз в литографированном виде, совершенствуясь и увеличиваясь в объеме, пока, наконец, он не был напечатан в 1911 г. в виде большого двухтомного труда. В 1913 г. он был снова издан, в еще более расширенном и углубленном виде, обнимая 2 больших тома в 400 страниц каждый. Оба тома были снабжены воспроизведениями важнейших памятников, среди которых многие хранились в русских музеях. Это последнее издание было удостоено в 1916 г. Русским археологическим обществом золотой медали. В своем отзыве о труде Б. А. Тураева Василий Владимирович Бартольд отметил, что «в истории русской науки появление труда проф. Тураева навсегда останется выдающимся событием»¹.

Столь лестный отзыв В. В. Бартольда не остановил Б. А. Тураева от дальнейшей работы над основным трудом своей жизни. Он считал его незаконченным и продолжал до конца дней своих работу над этим любимым своим детищем, и лишь смерть помеша-

¹ ЗВОРАО, XXIV (1917), стр. 268.

ла ему осуществить окончательное издание своей «Истории древнего Востока», которое должно было вырасти в огромный трехтомный труд, охватывающий весь громадный материал, дошедший до нас от цивилизаций Ближнего Востока. В 1917 г. им было сдано в печать новое расширенное и углубленное издание его двухтомной «Истории древнего Востока» 1913 г., пополненное, между прочим, новой ценной главой по истории Ирана Эпохи Сассанидов. Этот новый труд дает нам яркое представление о тех возможностях, которые таились в творческой мощи автора, столь безвременно потерянной нашей страной. К сожалению, лишь в 1924 г. первая часть данного труда под названием «Классический Восток», обнимавшая введение и историю Вавилонии до XVI в., была напечатана издательством Брокгауз-Ефрона. Полностью же он был опубликован в 1935 г. в 2 томах под первоначальным своим названием «История древнего Востока». Несмотря на столь запоздавшее опубликование завершеного в 1917 г. труда Б. А. Тураева, появление его и в 1935 г. явилось подлинным событием в советской и мировой историографии. Хотя он еще и не полностью соответствовал задуманной великим историком монументальной истории древневосточных цивилизаций, он и в таком виде является одним из важнейших исторических трудов не только русской, но и мировой исторической литературы. Действительно, если как филолог, в области египтологии и абиссиноведения Б. А. Тураев входил в число крупнейших специалистов этих дисциплин, то как историк древнего Востока он не знал себе равного ни у нас, ни за рубежом.

Нет сейчас во всемирной научной литературе исторического труда индивидуального автора, столь всеобъемлющего, как «История древнего Востока». Географический кругозор его, следуя определению самого автора, простирается от Кавказского хребта и Средней Азии до Персидского залива, Южной Аравии и страны африканских озер, от рубежа Ирана и Индии до Геракловых столпов, а во времени он начинается с самой глубокой древности и завершается эпохой позднего эллинизма. «История древнего Востока» дает изложение процесса развития всех древних обществ Передней Азии, Ирана, Средней Азии, Закавказья, а также и северо-восточной Африки. Труд Б. А. Тураева является и в этом отношении не только более исчерпывающим, чем «Древняя история народов классического Востока» Г. Масперо, но превосходит и ту часть труда Эд. Мейера «История древнего мира», которая посвящена истории древневосточных обществ. Этот факт нас тем более должен поразить, что «Историю древнего Востока» Б. А. Тураев создал один, или, говоря словами одной древнеегипетской сказки, «имел спутником только собственное сердце». Что же касается «Истории древнего мира» Эд. Мейера, то она является по существу коллективным трудом, как правильно отметил В. В. Бартольд¹.

Предоставленный исключительно своим творческим силам и знаниям, Б. А. Тураев смог тем не менее создать единственный в мировой историографии труд, который довел историю Вавилонии, Ассирии, Сирии, Палестины, Ирана, Египта, Карфагена, Нубии, Аксума вплоть до позднейшего эллинизма. Одной из самых замечательных глав «Истории древнего Востока», непревзойденной и по сие время, является глава, посвященная Египту при XXVIII—XXX династиях, когда почти на 70 лет общество долины Нила сбросило с себя иго Ахеменидов, ввергнувших страну при Камбизе в «великий ужас». Изумительная эрудиция давала Б. А. Тураеву возможность использовать для своего исторического построения все достижения мировой науки. Научный аппарат, сопутствующий каждой главе «Истории древнего Востока», необычайно богат и обстоятелен. До сих пор ни один из специалистов в этой области не может обойтись без указаний по специальной литературе, данных в «Истории древнего Востока» или в изумительном труде по истории египетской литературы. Его беспредельная эрудиция нашла свое отражение также в более чем 400 статьях, посвященных различным вопросам древневосточной культуры, в «Энциклопедическом словаре» издания Брокгауз—Ефрона и в «Новом энциклопедическом словаре» того же издательства. В обширной главе «Истории древнего Востока», которая была посвящена истории науки, Б. А. Тураев дал обстоятельный

¹ Там же, стр. 263, прим. 1.

обзор громадной литературы по разработке источников по изучению судьбы и культуры стран древнего Востока, начиная с знаменитого открытия в 1753 г. врачом Людовика XV Жан Астрюком в так называемом пятикнижии Моисея 2 самостоятельных источников и кончая годом начала первой мировой войны. В особенности ценной для русского читателя являлась та тщательность, с которой автор отмечал русскую литературу, не забывая при этом и небольшие статьи начинающих исследователей. Подобное упоминание и использование их в капитальном труде маститого ученого не могло не стимулировать их дальнейшей творческой работы. Столь же любовно Б. А. Тураев отмечал все крупные исследовательские достижения своих собратьев по изучению древневосточных цивилизаций, как В. С. Голенищев, П. К. Коковцев, М. В. Никольский, О. Э. Лемм, а также В. В. Бартольд и Н. Я. Марр. Он был первым, который полностью оценил значение лингвистических построений Н. Я. Марра и его школы, которые открыли не только в Грузии и Армении, но и среди других племен Кавказа остатки яфетического мира, обнимавшего и древнейшие языки Малой Азии и северной Сирии. Б. А. Тураев также подчеркнул значение открытия Н. Я. Марром генетической связи между яфетическими языками Кавказа, вплоть до лезгинского и абхазского, с языком древнего Урарту, что способствует «уразумению надписей ванских царей»¹. Действительно, Н. Я. Марр является, благодаря данному открытию, по общему признанию, основоположником самостоятельного русского и советского урартоведения.

Б. А. Тураев включал в орбиту своего внимания труды и тех великих русских ученых, которые не являлись востоковедами в строгом смысле этого слова. Так, в своей магистерской диссертации, посвященной египетскому богу Тоту, он считал «необходимым упомянуть, что наша русская наука имеет полное право гордиться блестящей попыткой разобраться в вопросе о переживаниях Тота в христианской литературе» и что эта попытка принадлежит А. Н. Веселовскому². С большой радостью он приветствовал остроумное толкование изображений на знаменитом Майкопском сосуде, предложенное нашим крупнейшим археологом Б. В. Фармаковским. В главе, трактующей о географических условиях, Б. А. Тураев ссылается на теорию профессора Воейкова, подчеркивающего роль пустыни в образовании египетского оазиса³. Он отмечает, что «первые южноаравские надписи попали в Европу в 1810 г., когда наш соотечественник Зетцен прислал из Мохи копии пяти ничтожных савейских надписей»⁴. Горячая любовь к родине, заставлявшая Б. А. Тураева относиться с такой заботливостью ко всякому достижению русской науки, делала ему близкой историю древнего Востока и историю Востока вообще. Он со всей четкостью сознавал, что «наше отечество находится с ним (т. е. с Востоком) в еще более близких связях», чем западная Европа. Он подчеркивает все значение византийской культуры, влияние которой «на нашу сблизило нас духовно с другими потомками великих древневосточных культур, гедь и сама Египетия покоится не на одной Греции и даже не на одном эллинизме». Он никогда не забывал, что «наша равнина, находясь в ближайшей географической связи с Иранским миром и, через Черное море с Малой Азией, была в тесном культурном общении с «алардийским», ит «хетским» и иранским, культурным миром уже, вероятно, во II тысячелетии до н. э.»⁵. Поэтому он считал своим долгом, так же как и его товарищ по университету историк Греции акад. С. А. Жебелев, обращать сугубое внимание на памятники юга России, которые должны были в первую очередь изучаться, русскими учеными. В особенности его интересовали памятники Египта, найденные в городищах нашего юга, и он посвятил им ряд исследований, как «Скарабей с острова Березани»⁶, «Терракотовый светильник из Ольвии, изображающий Бесов»⁷, «Фигурка Имхотеп, найденная в Кубанской

¹ «История древнего Востока», 1, стр. 70.

² Там же, стр. 5.

³ Там же, стр. 65.

⁴ Там же, стр. 31.

⁵ Там же, стр. 5.

⁶ ИАК, XL

⁷ ИАК, XL

области»¹, или «Objets égyptiens et égyptisants trouvés dans la Russie méridionale»². Б. А. Тураев был бы счастлив, если бы он мог еще увидеть греческий папирус, изданный уже после его смерти, с приказом всемогущего временщика Птолемея II Филадельфа — Аполлония принять достойным образом послов правителя Боспорского царства — Персида II³.

Б. А. Тураеву были близки все народы нашей необъятной родины, и для него поэтому имело большое значение то, что наша «Средняя Азия составляла часть древнеперсидского царства, а Закавказье входило в состав Ванского царства, могущественного соперника ассирийской державы». Данный факт, а также и то, что «самые центры ассирийско-вавилонской культуры — Ниневия и даже Вавилон находились в ничтожном расстоянии от нашей границы», возлагали, по его мнению, определенные обязанности на русских ученых. Они «напоминали нам, — говорит Б. А. Тураев, — что интерес к изучению древнего Востока должен быть у нас более жив, чем в Западной Европе, а изучение великого прошлого наших окраин — наш долг перед ними и перед наукой»⁴.

Эти замечательные слова великого русского ученого близки чувству нашего советского народа, создавшего подлинную дружбу народов в стране социализма.

На протяжении всего своего громадного труда автор остается самостоятельным исследователем. Все основные положения его исторического построения покоились или на аргументации, даваемой им в самом труде, или на многочисленных специальных исследованиях, посвященных изучению первоисточников по истории древневосточных цивилизаций.

В исследованиях Б. А. Тураева могли найти свое четкое определение разнообразные явления многоликой культуры древней истории народов Ближнего Востока, поскольку он был в состоянии освоить многоязычные письменные памятники, дошедшие до нас от Египта, Вавилонии, Финикии, Палестины и т. д. Он знал языки ведущих обществ древнего Средиземноморья, и поэтому ему открывали свои тайны и египетский папирус Среднего царства, содержащий замысловатую геометрическую проблему⁵, клинописная табличка хозяйственной отчетности древнего Сумера⁶, отрывки финикийской литературы, сохранившиеся в трудах греческих историков и в отдельных финикийских надписях⁷. Как филолог он мог интерпретировать не только исторические надписи, но также преодолевать трудности египетского магического папируса⁸ и вносить ясность в сложную и запутанную историю книги Мертвых⁹ и выявить очарование образов египетской поэзии¹⁰. В течение всей своей исследовательской жизни Б. А. Тураев неустанно работал над расширением своих знаний в области древневосточных языков и письменных систем. Так, он в последние 10 лет своей жизни ввел себя в мистерию демотического письма, говоря словами Эд. Мейера¹¹, который так и оставался не посвященным в тайны этого позднего египетского курсива. Мастерство интерпретации Б. А. Тураева неопровержимо доказывается тем обстоятельством, что и теперь, спустя 25 лет, его переводы являются надежным руководителем в понимании того или другого источника. Опыт доказал, что не всегда новые интерпретации являются более совершенными, нежели старые переводы Б. А. Тураева.

¹ ИАК, XLIX.

² РА, IV серия, т. XVIII (1911).

³ См. В. Струве, Хрестоматия по древней истории, I, стр. 225 сл.

⁴ «История древнего Востока», I, стр. 5.

⁵ The Volume of the truncated pyramid in Egyptian mathematics в журнале «Ancient Egypt», т. IV (1917)

⁶ О двух клинописных табличках Церковно-Археологического музея при Киевской духовной академии в ЗВОРАО, т. XIII (1900).

⁷ «Остатки финикийской литературы», 1903.

⁸ «Магический папирус Salt 825 Британского музея» в ЗКОРАО, IX (1917).

⁹ «Из истории книги Мертвых», ЗВОРАО, т. XII (1898).

¹⁰ «Египетская литература», М., 1920, стр. 201 сл.

¹¹ SPAW, 1915, стр. 281.

Изучая и интерпретируя древневосточные тексты, Б. А. Тураев не забывал и источники археологические. Ему был понятен язык не только письменных, но и вещественных памятников. Свое умение использовать наряду с письменными документами и документы вещественные Б. А. Тураев проявил уже в своей магистерской диссертации «Бог Тот», появившейся в 1898 г. В этой классической монографии из области египетской религии мы находим следующее положение в начале введения: «источниками нашей работы должно служить все, что для нас сохранилось от древнеегипетской культуры, будь это произведение письменности или вещественные памятники»¹. В главе диссертации «Тот в искусстве» автор настолько исчерпывающе изучил иконографию исследуемого им божества, что мы не находим ничего подобного ни в одной из монографий, посвященных другим представителям древнеегипетского пантеона.

Интерес к вещественным памятникам не оставлял Б. А. Тураева и впоследствии. Он в особенности возрос, когда, благодаря его содействию, была приобретена в государственную собственность и помещена в Московском музее изобразительных искусств прекрасная коллекция древневосточных памятников, созданная В. С. Голенищевым. Став хранителем названного музея, Б. А. Тураев отдался со всей страстью подлинному энтузиаста изучению и изданию замечательных памятников, как письменных, так и вещественных, знаменитой Голенищевской коллекции. Появилась обстоятельная монография «Статуи и статуэтки Голенищевского собрания»² и ряд последующих изданий древневосточных предметов того же музея, как «Доисторическое блюдо», «Предметы финикийского происхождения»³ и др.

Глубокое и всестороннее изучение богатого наследия древневосточных цивилизаций в виде бесчисленных письменных и вещественных памятников позволило Б. А. Тураеву в «Истории древнего Востока» и в других монографиях и исследованиях сделать много ценных отдельных наблюдений. В особенности много интересного материала собрал Б. А. Тураев во всех своих исследованиях по истории религии. Выдающимся событием в области историко-религиозных исследований было уже появление в 1898 г. указанной магистерской диссертации «Бог Тот». Известный историк религий древнего мира проф. Е. Г. Кагаров назвал ее «выдающейся по строгости метода и осторожности в выводах книгой, представляющей собой весьма ценный вклад в историю египетской религии»⁴. Столь же существенными были результаты исследования религий различных древневосточных обществ в соответствующих главах «Истории древнего Востока». Ни один историк религии не может пройти мимо разделов, посвященных религиозным текстам в посмертном труде Б. А. Тураева «Египетская литература», издание которого, к сожалению, не было доведено до конца. Второй вполне законченный в рукописи том, содержащий переводы ряда более или менее значительных литературных памятников древнего Египта⁵, к сожалению, так и не был напечатан.

Демотической литературе, сохранившей нам памятники поразительного повествовательного искусства, Тураев посвятил не мало страниц своей монографии. Столь обстоятельно и плодотворно он исследовал и более древнюю повествовательную литературу Египта.

¹ «Бог Тот», стр. 1.

² «Музей изящных искусств при Московском университете. Описание египетского собрания», т. I.

³ В серии «Памятники Музея изящных искусств в Москве».

⁴ Проф. Е. Кагаров, Прошлое и настоящее столетие, Сергиев посад, 1915 стр. 99.

⁵ См. предисловие издательства к I тому труда Б. А. Тураева, изданного в Москве в 1920 г. в известной серии «Памятники мировой литературы».

В особенности поражает мастерство, с которым Б. А. Тураев делал выводы из многочисленных разрозненных, плохо сохранившихся источников, а также его способность сопоставлять свидетельства греческих историков с данными древневосточных текстов. Образцом исторического построения, созданного на основе подобного материала, является глава о падении Ассирии.

Другим ярким примером искусства воскрешать события далекого прошлого из отдельных, казалось, мало понятных намеков сохранившейся традиции является его монография «Остатки финикийской культуры». Автор пытался доказать тогда, в 1903 г. на основании дошедших до нас жалких фрагментов финикийской письменности наличие у этого народа богатой литературы. Даже ученый такого масштаба, как В. В. Бартольд, не смог еще в 1925 г. оценить по достоинству все значение вывода Б. А. Тураева. В. В. Бартольд указывает в своем известном труде «История изучения Востока в Европе и России», что здесь имеется «неудачная попытка доказать, что раз «у евреев уже в X в. существовала письменность и историография», то «у гораздо более культурных и древних финикийцев не могло быть иначе»¹. Прошло только 4 года после того, как была раскопана в 1929 г. в Рас-Шамра храмовая библиотека с подлинными памятниками древней финикийской литературы, которые блестяще подтвердили утверждение Б. А. Тураева, постулированное им в 1903 г.

Столь же острое историческое чутье обнаружил он, определив на основании известных в 1900 г. источников в своем исследовании «К истории хеттского вопроса» значение хеттского государства и культуры².

В противоположность модному тогда течению в историографии снижать значение культуры Карфагена Б. А. Тураев подчеркивал в главе свей «Истории», посвященной Карфагену, действительность пунической культуры. Он с полным правом указывал, что в Нумидии и после падения Карфагена пуническая культура не без успеха конкурировала с греческой³, и на то, что «на пуническом языке существовала, несомненно, значительная литература»⁴.

Вообще весьма характерной особенностью научного творчества Б. А. Тураева было его стремление к независимости и самостоятельности по отношению к модным течениям и теориям, господствовавшим в современной ему историографии. Он никогда в угоду этим теориям не прибегал к рискованным искусственным толкованиям источников, извлекал из них лишь то, что они могли ему действительно дать.

Поэтому Б. А. Тураев был одним из немногих историков, которые не поддались чарам откровений ассириологов берлинской школы, творцов пресловутого панвавилонизма, объявившего Вавилон учителем всего мира, не исключая Китая и до-Колумбовской Америки. Культура древнего Египта была объявлена не самобытной: гсвори словами Б. А. Тураева, «болезнь панвавилонизма грозила свести великую нильскую цивилизацию на одну из областей излучения азиатской двуречной»⁵. Его не смущали головокружительные успехи, достигнутые в области изучения культуры южного Междуречья, и он продолжал во всех своих исследованиях, начиная с самых ранних, рассматривать культуру Египта как равноценную культуре Вавилонии⁶. Он неоднократно подчеркивал одаренность народа Египта и его особую склонность к искусству и литературе⁷. Каждому читателю его прекрасной посмертной книги «Древний Египет»

¹ «История древнего Востока», II, стр. 21—22.

² «ЗКОРАО, т. V (1900).

³ «История древнего Востока», II, стр. 267.

⁴ Там же, стр. 274.

⁵ Б. А. Тураев, Древний Египет, из-во «Огни», Петроград, стр. 2.

⁶ «Новые успехи и современное состояние египтологии» в «Историческом обозрении», 1897.

⁷ См. хотя бы его «Египетскую литературу», стр. 1.

становится очевидным, что действительно великому народу берегов священной реки принадлежит великая роль в создании нашей цивилизации¹.

Б. А. Тураев не соглашался с другим положением панвавилонизма, а именно с утверждением, что религия Израиля лишена какого-либо значения, что она целиком зависит от религиозных идей Вавилонии. Он боролся с крайними выводами исследователей проблемы «Babel—Bibel», приводившими к абсурду и видит с полным правом в пророческом движении, родившемся в недрах народов Израиля и Иуды, явление совсем новое, не известное другим народам древнего Востока и способствовавшее тому, что иудейский народ смог пережить гибель древневосточного мира².

Б. А. Тураев не мог разделять установку крайних панвавилонистов, отрицающую какое-либо историческое значение и оригинальность за древней культурой еврейского народа—установку, противоречащую исторической действительности и вместе с тем используемую подонками самой реакционной буржуазии для своих расовых бредней. Б. А. Тураев был противником расовой теории даже в той смягченной формулировке ее, которую мы находим в трудах Эд. Мейера. Он отнюдь не был согласен с определением характера семитов, которую дает Эд. Мейер, подчеркивающий наличие холодной расчетливости в их мышлении даже в религиозной интуиции еврейских пророков или Мухаммеда, ибо, согласно Эд. Мейеру, «сердечность душевной жизни и теплота чувства, отмечающая индогерманца, являлась чуждой семиту»³. Б. А. Тураев же говорит об «удивительной чисто-семитической религиозной теплоте и богословской глубине»⁴. Эд. Мейер также утверждал, что семиты «едва ли создали большие самостоятельные творения»⁵. Б. А. Тураев, наоборот, неоднократно подчеркивал творческую роль семитических народов. Так, он указывает на то, что «ассиро-вавилонские семиты представляли культурный род, хотя и многим обязанный сумерийцам, но внесший в свои оригинальные черты в общую вавилонскую культуру»⁶. Он отмечал достижения правовой мысли законодательства Хаммурапи, которое, говоря его словами, «носит черты жизни, необыкновенно далеко ушедшей вперед в своем развитии; во многих случаях оно производит впечатление нового времени, и вавилонская культура отразилась в нем в чертах, указывающих на близость к нашей, некоторые правовые тонкости потом были повторены только в Риме, в эпоху Антонинов»⁷. Б. А. Тураев также настаивает на некоторой зависимости цивилизации Эллады от финикийской, указывая, на то, что начавшие новый период культуры греки «были многим обязаны финикиянам»⁸.

В противоположность Эд. Мейеру Б. А. Тураев подчеркивал исключительное значение произведений и вдохновенных речений еврейских пророков. Яркими словами определяет он мощь языка пророка Паума и гениального безымянного певца последних лет вавилонского пленения. «Подобно тому, как над трупом Ниневии поднялся орел—Наум, так близость гибели Вавилона воспел великий пророк, высоко-поэтическое творение которого дошло до нас в книге древнего великого пророка Исайи»⁹.

Прямую полемику с положением Эд. Мейера, что первоначальное предрасположение племени сохраняется через все перемены исторического развития, мы находим в указании «Истории древнего Востока», что «иранцы и индусы представляют еврейский пример того, когда два народа, находясь в тесном родстве, под влиянием географиче-

¹ «Древний Египет», стр. 2.

² «История древнего Востока», II, стр. 74.

³ «Geschichte des Altertums», I³, § 352, стр. 416.

⁴ «История древнего Востока», I, стр. 68.

⁵ Ц. с., § 352, стр. 417.

⁶ «История древнего Востока», I, стр. 90.

⁷ Там же, стр. 113.

⁸ Там же, II, стр. 19.

⁹ Там же, стр. 113.

ских и исторических условий могут сделаться не только не похожими друг на друга, но даже противоположными один другому»¹. Поэтому Б. А. Тураев не объясняет суровости законов Хаммурапи «первоначальным предрасположением» семитического племени или расы, а их древностью². Его объяснение суровости законов Хаммурапи стоит на неизмеримо более высоком научном уровне, чем объяснение немецкого ассириолога Götze (еврея по народности) кажущейся мягкости хеттских законов: «Здесь,—говорит названный автор,—выявляется одно существенное отличие между хеттами и семитическими народами древней Передней Азии, которое может быть в конечном итоге возведено к более высокой оценке человеческой жизни и достоинства»³. Отвергая расовую точку зрения, Б. А. Тураев вполне последовательно отвергал и толкования антисемитизма в древности в трудах Эд. Мейера. Последний готов был объяснить известное разрушение иудейского храма Ягу в Элефантине в 410 г. египтянами как типический еврейский «погром»⁴. Б. А. Тураев, не разделяя взгляда на антисемитизм как на вечно существующую категорию, наметил правильный путь к объяснению подлинных мотивов, которые заставили египтян разрушить храм иудейского военного поселения в Элефантине. Он находит объяснение в неприязни египтян ко всякому чужеземному храму вообще и в частности к храму инородцев, которые служили военной опорой ненавистного персидского господства⁵.

Подобное расхождение Б. А. Тураева с существенными установками Эд. Мейера заслуживает тем большего внимания с нашей стороны, что он призывал значение труда Эд. Мейера⁶. Тем не менее Б. А. Тураев шел при решении ряда существенных проблем иными путями. В труде Эд. Мейера его, очевидно, смущала модернизация исторического построения, а модернизация являлась в глазах Б. А. Тураева, несомненно, пороком всякого исторического труда.

Эд. Мейер отождествил, модернизируя историю древнего мира, рабство греко-римского общества с наемным трудом эпохи капитализма, а социальный строй древневосточных обществ с крепостничеством феодализма, отрицая здесь на Востоке наличие рабовладельческих отношений⁷. Для концепции Эд. Мейера, установившейся в конце XIX в., было тяжелым ударом издание в 1902 г. Шейлем судебника вавилонского царя Хаммурапи, в котором рабовладельческий характер древнего вавилонского, т. е. восточного, общества нашел свое четкое выражение.

Эд. Мейер пытался ослабить свидетельство судебника Хаммурапи тем, что обвиняет низший слой свободных, называемый судебником «мушкёну», «бедными», стоящими в какой-то крепостнической зависимости⁸, хотя «мушкёну» принадлежали к господствующему классу, имея право владеть рабами. Б. А. Тураев не прибегает к подобной искусственной интерпретации социального термина законодательства царя Хаммурапи. Он ясно и четко заявляет, что в законах вавилонского царя различаются знатные

¹ Там же, стр. 145.

² Там же, I, стр. 107.

³ A. G ö t z e, Kleinasien в серии Handbuch d. Altertumswissensch., III раздел, I часть, III том, 1931, стр. 109.

⁴ E d. M e y e r, Der Papyrusfund von Elephantine, 1912, стр. 76 сл.

⁵ «История древнего Востока», стр. 172. См. В. В. Струве, Подлинная причина разрушения иудейского храма на Элефантине в 410 г. до н. э., ВДИ, 1938, 4—5, стр. 99 сл.

⁶ «История древнего Востока», I, стр. 37.

⁷ См. Эд. Мейер, Рабство в древности, Изд. М. М. Водовозова, СПб., 1899, стр. 24 сл.

⁸ «Сколько далеко «бедные» стояли в отношении крепостничества не ясно» («Geschichte des Altertums», I³, § 423, стр. 577).

(«сыновья персоны» или просто «люди»), просто свободные («мушкену» — «низшие») и рабы»¹. Поэтому Б. А. Тураев и не побоялся, подобно Эд. Мейеру, изложить в первом разделе своей «Истории древнего Востока» процесс развития не египетского, а вавилонского общества, ввиду более широкого влияния на окружающий мир вавилонской культуры, в том числе и в области права². Эд. Мейер, как известно, изложил в первом разделе своей «Истории древнего мира» историю Египта, хотя здесь не имелись судебники, частноправовые документы и громадное количество хозяйственных текстов, которые могут дать сравнительно легко познание экономики и структуры древневосточного общества.

Таким образом строгая методичность спасала Б. А. Тураева от модернистских перегибов исторической концепции Эд. Мейера и вместе с тем сделала его «Историю древнего Востока» неоценимой сокровищницей фактических данных для советских исследований, посвященных этому периоду всемирной истории.

В этом громадное значение научного наследия Б. А. Тураева. Советская историческая наука, овладевающая могучим оружием марксистско-ленинской методологии, подняла и историю древнего Востока на гораздо более высокую ступень и преодолела методологические пороки «Истории древнего Востока» Б. А. Тураева. Его идеалистическое мировоззрение заставляло его отводить чрезмерно преувеличенную роль религии в истории и оставлять без внимания вопросы экономики и социальных отношений.

Было бы напрасно искать в трудах Б. А. Тураева материалистического осмысления истории древнего Востока,—этого он дать не мог. Но тот громадный материал источников,—исследованных, интерпретированных и переведенных на русский язык,—которым обогатил русскую науку Б. А. Тураев, представляют большую ценность. Советские ученые, используя результаты громадного творческого труда Б. А. Тураева, всегда будут ценить его как одного из виднейших представителей дореволюционной русской науки.

Акад. В. В. Струве

ВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА РИМСКОЙ ИМПЕРИИ В НАЧАЛЕ ПРАВЛЕНИЯ НЕРОНА

(Критический обзор историографии вопроса)

Значение времени Нерона в истории отношений между Римской империей и Востоком вряд ли можно переоценить. Именно в эти годы происходят решительные изменения в политике империи по отношению к восточным областям римского мира. В то время, как Юлии и Клавдии предпочитали опираться на зависимых царей и довольствоваться незначительными военными силами на восточной границе, то при Флавиях и Траяне эта система подверглась полному преобразованию. Зависимые царства постепенно исчезают с политической карты римского Востока. В отношениях с Арменией и Парфией происходит перелом, разделяющий на два периода всю восточную политику ранней империи: если планы Сенеки и Бурра относительно Армении следуют системе Августа, который удерживал страну в повиновении при помощи римского ставленника на ее престоле, то в итоге деятельности римского полководца Гнея Домиция Корбулона и на рфянско-

¹ «История древнего Востока», I, стр. 106.

² Там же, стр. 71 и 113.